

С. Э. Богданович

Учреждение образования «Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра романо-германской филологии

**ОБРАЗ КОРОЛЯ ГЕНРИХА IV В РОМАНЕ РОБЕРА МЕРЛЯ
«КРУЖЕНИЕ ФИЖМ» («LA VOLTE DES VERTUGADINS»)**

В статье анализируется образ короля Генриха IV в романе Робера Мерля «Кружение фижм» («La Volte des vertugadins»).

The article analyzes the image of King Henry IV in the novel by Robert Merle «La Volte des vertugadins».

Ключевые слова: французская литература, Робер Мерль, король Генриха IV, образ, целостность образа, теория светильников, парадоксальность, авторская философичность.

Key words: French literature, Robert Merle, King Henry IV, image, image integrity, luminaire theory, paradoxicality, authorial philosophy.

Король Генрих IV является одним из центральных образов реальных исторических персонажей, выведенных в историческом цикле Робера Мерля «Судьба Франции». Целостность образа достигается тем, что в нем гармонизируется группа следующих парадоксальных единств.

1. **Единство общего и конкретного.** Художник не мыслит абстракциями, его образы конкретны, но в этой конкретности он стремится угадать что-то общезначимое.

2. **Единство эмоционального и рационального** (чувства и разума). Впечатления непосредственные, эмоциональные, интуитивные никогда не утрачат значения в искусстве. Рациональная же составляющая заложена

в знаковой системе искусства. Любой художник работает со знаковой системой (писатель пользуется словами), которая изначально является продуктом рациональной деятельности. М. Цветаева заметила однажды, что вечная проблема поэта состоит в том, что он вынужден словами, то есть смыслами, изображать стон. Это замечание точно отражает сложность и внутреннее напряжение отношений чувства и разума в художественном образе.

3. **Единство субъективного и объективного.** В любом художественном образе запечатлены, с одной стороны, черты автора, с другой – черты реального (объективного) мира. Художественный образ есть проявление свободы творчества. С одной стороны, это ответ художника на интересующие его вопросы, а с другой – это и новые вопросы, порождаемые недосказанностью образа, его субъективной природой [1, с. 96].

В романе «Кружение фижм» автор подробно описывает три последних года жизни и правления Генриха IV. При раскрытии образа короля Робер Мерль использовал «теорию светильников» [2, с. 59] – мы получаем представление о герое через восприятие окружающих его персонажей: Пьера-Эммануэля де Сийорака, его отца Пьера де Сийорака, де Рони, Баскомпьера, Ласюри и др. Благодаря разнообразным свидетельствам, читатель имеет возможность зримо представить себе внешность Генриха IV, его портрет. Годы борьбы за власть, гражданское и религиозное противостояние, личные утраты наложили свой отпечаток. *«Le Roi était musculeux, mais son torse lui parut aussi sec et noueux qu'un saremment de vigne. Le visage aussi avait vieilli : le poil grisonnant, la peau dessechée, le long nez Bourbon saillant davantage du fait de l'affaissement des joues»* [3, с. 55] Все обращают внимание на глаза короля, в которых все еще сохраняется живость юности, ум, прозорливость, радость жизни, чувство юмора, но так же все чаще проскальзывает выражение грусти и усталости. *«J'aimerais mieux dire qu'ils (les yeux) étaient lumineux et que cette lumière était celle de l'esprit pénétrant qui se trouvait derrière eux et qui permettait à Henri de juger si vite et si bien les hommes et les situations»* [3, с. 211] Тем не менее, по общему суждению, король мог бы прожить сто лет, не делай он все с неистовой страстностью.

Самым важным, фундаментальным свойством художественного образа филологи называют его внутреннюю противоречивость, парадоксальность. С одной стороны, Генрих IV – опытный, умный, ловкий политик. Он положил конец губительной религиозной розни в государстве, заставил парламент одобрить Нантский эдикт, определивший условия мирного сосуществования католиков и протестантов во Франции. Он подавил сепаратистские устремления аристократической верхушки, одних казнив, других заключив под стражу, третьих вынудив неотлучно находиться при дворе.

Генрих IV понимает, что установившийся в Европе баланс сил между Францией и ее протестантскими государствами-союзниками, с одной стороны, и империей Габсбургов, с другой, весьма иллюзорен. Чтобы укрепить союзнические отношения, он тайно готовит свадьбу наследника престола с дочерью герцога Лотарингского. Тем не менее, король вынужден постоянно готовиться к новой войне. Он назначает министром финансов преданного де Рони, проводит ряд финансовых реформ, успешно пополняет арсенал и казну, опустошенные за годы внутреннего противостояния.

С другой стороны, Робер Мерль создает тонкий психологический портрет Генриха IV как человека. Король был всегда очень внимателен к своим старым соратникам и не упускал возможности выказать им свое расположение. «*Si irrité qu'il fût parfois contre Sully, il ne manquait jamais de l'appeler Rosny et de le tutoyer*» [3, с.56] Генрих IV был любящим отцом и много времени проводил со своими детьми, особенно с наследником престола Людовиком. Он пытался привить ему качества, необходимые монарху, например толерантность. «*N'allez pas faire comme ces bigots et cagots qui prient Dieu du matin au soir et sont, à l'occasion, les plus méchantes gens du monde. Mon fils, laissez votre langue au repos : priez avec vos actes*» [3, с. 78] Как любой аристократ своего времени, король с большим уважением относился к своей крови. По его приказу, шесть детей, рожденные в законном браке с Марией Медичи, и восемь внебрачных воспитывались вместе.

Генрих IV был дважды женат, имел множество любовниц. Парадоксально то, что мудрый и проницательный политик превращался в доверчивого ребенка, страстного романтика с нежным сердцем, как только речь заходила о любви. «*Mais comment aimer sans confiance?*» [3, с. 307]. Трогательно желая быть любимым, 54-летний король до безумия влюбляется в юную Шарлотту де Монморанси. Он выдает ее замуж за принца крови де Конде, который по ряду причин увозит жену за пределы Франции и становится игрушкой в руках Габсбургов и удобным поводом для начала войны с Францией.

Перенос акцента с событийной истории на ее субъекта – человека – ведет к усилению философского звучания романа и создаваемого образа. Мы можем согласиться с утверждением Пена Уоррена, приведенным В. Костяковым, о том, что «писатель или поэт – философ тот, кто документальное повествование об окружающем мире пытается поднять до уровня философских обобщений о главных ценностях жизни, это такой писатель, у которого образы всегда осмыслены диалектически, для которого событие, как бы оно ни увлекало и ни интриговало его воображение, важно, прежде всего, своим смыслом и значением» [4, с. 235]. Авторская философичность проявляется в устремленности к постановке и решению сложных проблем

бытия: войны и мира, справедливого общественного устройства, активности и ответственности человека перед лицом будущего. Робер Мерль показал, что король стал жертвой объективных закономерностей общественного и личного характера. Стремление Генриха IV установить равновесие политических сил на европейском континенте, покончить с господством Габсбургов, чтобы обеспечить мирное развитие французского общества на благо всего народа, вызвало обострение ситуации внутри страны. Введение новых налогов для пополнения государственной казны тяжким бременем легло на плечи среднего класса буржуазии и трудового люда, что повлекло за собой возрастание антикоролевских настроений среди парижан. Интересы королевы, ее фаворитов и первых грандов королевства, надеющихся значительно расширить свои полномочия и получить доступ к сокровищнице государства, совпали на данном историческом этапе. Заключение союзов с протестантскими государствами Европы вызвало возмущение католической церкви во главе с Папой Римским. Ожесточенные антикоролевские проповеди активизировали давних противников политики Генриха IV, среди которых было немало фанатиков и слабых умов, подверженных религиозному внушению и готовых на все. «*La haine est une folie contagieuse*», – с горечью отмечал Робер Мерль [3, с. 485]. Угроза жизни короля стала еще более осязаемой. Тем не менее, сильная антикоролевская партия, замышлявшая гибель Генриха IV, опасалась последующего безвластия и новой вспышки гражданской войны в королевстве. По внушению своих советников, Мария Медичи добилась от короля ее официального коронования в Реймсе. Этот акт, обеспечив законность престолонаследия и регентства, устранил опасность гражданской войны в стране и окончательно освободил дорогу для семнадцатого и последнего покушения на жизнь Генриха IV. Король погиб 14 мая 1610 года от руки фанатика, монаха-иезуита Равайяка.

Богатая содержательная наполненность образа короля Генриха IV предоставила возможность Роберу Мерлю подойти к рассмотрению логики движения истории, ее основных тенденций и закономерностей, лучше понять действительность изображаемой эпохи, расстановку противоборствующих сил, сущность конфликта между ними, характер их возможного развития в будущем и, самое главное, предостеречь человечество от грозящих ему опасностей. Размышления автора о современности приняли форму романа о прошлом, которое, в свою очередь, питало эти размышления: «Сегодняшний день идет из глубины столетий и будет продолжен грядущими веками, узы преемственности между ними неразрывны, и опыт прошлого, сливаясь с опытом настоящего, дает возможность предвидеть будущее» [5, с. 14].

Таким образом, мы видим, что Генрих IV в романах Робера Мерля – человек своей эпохи, но может быть назван человеком будущего, потому что воплощает движение вперед, те прогрессивные идеи, которые сохраняют свое значение и на современном этапе развития общества: толерантность, всеобщее благо как политический приоритет главы государства, опасность монополярности в решении межгосударственных вопросов.

Литература

1. Прозоров, В. В. Введение в литературоведение : учеб. пособие / В. В. Прозоров, Е. Г. Елина. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 224 с.
2. Комаровская, Т. Проблемы поэтики исторического романа США XX века / Т. Комаровская. – Минск : Изд-во БГПУ им. М. Танка, 2004. – 124 с.
3. Merle, R. La volte des vertugadins / R. Merle. – Paris : Edition de Fallois, 1991. – 556 p.
4. Костяков, В. Американский роман середины XX века: концептуальность жанра / В. Костяков. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1988. – 245 с.
5. Орлик, Н. Страстная неделя Арагона и классический французский роман XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / Н. Орлик ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1991. – 18 с.